

СВЕТЛАНА ПЕРВАЯ

ТЕМ ЯРЧЕ
СВЕТ

18+

Светлана Первая

Тем ярче свет

<https://litres.ru/74014646>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Ир-Лассе не любят чужаков и знают цену деньгам. Здесь камни мостовой помнят прошлые беды, а промозглый ночной туман скрывает дела трущобных банд. Когда магия исчезла из мира, он стал намного опаснее

У Нэр нет ни рода, ни клана. Амулет на груди, чудом сохранивший силу, и меч, оставшийся от человека, заменившего ей отца, - все ее имущество. Она ищет работу, чтобы не умереть с голоду, но здесь ее гонят отовсюду. Как бродяжку. Как нищую. И помощи ждать неоткуда

Если только ей не встретится парень с лучистыми глазами, что раздаст пирожки беспризорникам.

Нэр не привыкла к доброте, но вдруг она сможет оттаять?

Вдруг сумеет поверить, что ее примут без оглядки на прошлое?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Светлана Первая

Тем ярче свет

Пролог

Площадь перед храмом выстыла к ночи. Лето кончалось – это чувствовалось в холодке, что тянул от каменной мостовой, в запахе прелых листьев, долетавшем из маленького сквера, в том, как быстро темнело небо над дальними крышами. Город накрывали сумерки.

Факелы у крыльца ратуши чадили смоляным дымом. В окнах домов на площади свечей никто пока не зажигал, только из полуоткрытых дверей кабака вываливался в переулок косяй прямоугольник теплого света. Где-то на задах забрехала собака и тут же умолкла. Тихо поскрипывала на ржавых петлях вывеска оружейной мастерской.

В сквере под старыми липами шевельнулось что-то темное – и не разберешь сразу, человек ли, зверь?.. Тень сдвинулась, дернулась, повернулась неловко и оказалась старухой – простоволосой, в лохмотьях и страшно худой. Она нелепо закружилась на месте, будто ее водила невидимая рука, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. То останавливаясь, то снова вертясь волчком, старуха вскидывала голову к темнеющему небу и что-то без умолку бормотала.

Слов было не разобрать – только интонации: то жалобные, то вдруг властные, как у той, кто привык повелевать.

Из кабака в переулочек вышли двое. Оба в добротных плащах, какие носят торговцы и купцы средней руки, один – помоложе, с жидкой бородкой, другой седой и грузный. Молодой поежился от вечерней прохлады и запахнулся плотнее, остановившись в пятне света, падавшем из двери. Его спутник оперся на крепкий дорожный посох и достал кисет.

– Ну и ужин, – молодой сплюнул на мостовую. – Похлебка с запашком, а пиво на ослиную мочу похоже.

– Зато дешево, – старый усмехнулся, набивая коротенькую трубку. – Лишнее серебро, Нэд, в харчевнях оставлять не стоит.

Тот хмыкнул и вдруг насторожился, всматриваясь в темноту площади:

– Слушай-ка, что это там?

Старик прищурился и разглядел темную фигуру под липами у ратуши.

– А-а, эта... Да ты ее тоже вчера слышал, помнишь? Все бормочет, сумасшедшая старуха.

– Нищенка? – молодой потерял интерес. – Да уж, мало ли безумных по миру бродит Ночь на дворе, холодно, видать, согреться решила.

Старуха кружилась все быстрее. Лохмотья беспорядочно взлетали, открывая тощие ноги... Потом она замерла, вскинула голову к темному небу и вдруг заговорила четко и гром-

ко, нараспев, так, что эхо заметалось между храмом и ратушей:

– Мать без дитя, дитя без матери – кто кого переживет, тот тому и постелет! Поздно ли, рано ли, не бывает вовремя. А вернется ли ключ к замку, а вернется ли, да не в те руки!.. Не те, не те, не те!..

Голос у нее оказался неожиданно сильным, чистым, без старческой хрипоты.

– Жуть какая, – Нэд поежился. – Чего она мелет, Ирхад? Бред же?

Старший торговец помолчал, раскуривая свое зелье – огонек на миг осветил его морщинистое лицо под седой шевелюрой, – прислушался.

– Может, и не бред. Не всегда она такой была, да. Давно, лет двадцать назад, когда я еще с отцом сюда товары возил, она иначе выглядела. Была главным городским магом, шелк носила. Парчу. Выходила на площадь не милостыню просить, а исцеление давать.

– Да ну, – не поверил Нэд. – Она? Быть не может!

– И сильная была, – продолжил старик, будто не слыша. – Помню, мы тут на праздник попали. Она огонь зажигала над городом разноцветный, искрами до неба. Со всей округи приходили глядеть.

Нищенка тем временем перестала кружиться и замерла столбом, пристально глядя в одну точку – на запертые двери храма.

– А потом Сила ушла. Из мира ушла, от всех. А у кого ее много было, те того Не выдержали. Кто умер сразу, кто спился, кто рехнулся. Она, видать, из последних.

Голос нищенки вдруг снова разнесся по пустой площади, перекатываясь меж домов:

– Кто воду мутил, тот и хлебнет, а тому ничего не останется!.. Никому не останется, все ветер развеет, все сметет, ветер придет Каждый наперечет теперь, каждому достанется. Ветер ждите!.. ждите!.. Будет ветер Будет... Будет...

– Как бы беды не накликала, – Нэд торопливо сотворил оберегающий знак.

– Не накличет. Она давно свое отколдовала. – Старый купец перехватил поудобнее посох: – Ладно, Нэд, мне на подворье пора, а то завтра чуть свет в дорогу. Рад был встретиться. Домой вернешься, отцу от меня кланяйся. Ох, давно мы с ним не виделись...

– Скажу, – молодой кивнул. – Доброй ночи, Ирхад.

– Доброй.

Они разошлись. Нэд свернул в переулок, а седой торговец зашагал вдоль площади к мосту, чуть прихрамывая и дымя крепко зажатой в зубах трубкой.

Старуха под липами все кружилась. Лохмотья взлетали вокруг тощего тела, и слова ее – снова тихие и невнятные – стелились над остывающей мостовой, смешиваясь с запахом прелых листьев, с дымом факелов и близкой осенью.

Глава 1

Солнце клонилось к закату у меня за спиной, когда я увидела Ир-Ласс.

Стены взбирались на холмы неровными уступами, кое-где над зубцами торчали островерхие крыши, и весь город казался огромным зверем, припавшим к устью реки, прихотливо изогнувшей перед последним прыжком к морю. На левом берегу раскинулись луга с пасущимися коровами и редкими рыбацкими лачугами, по ним скользили длинные тени облаков. Порта – настоящего сердца Ир-Ласса, торговой столицы всех обжитых земель – отсюда не было видно. Зато залив как на ладони – сине-серая гладь до самого горизонта, блики на волнах и россыпь мелких островов под берегом восточного мыса. Кое-где над крышами поднимался дым, ветер доносил запах моря и чего-то странно-знакомого. Шелестел пожелтевшими травы, тревожил вереск. Где-то вдалеке перекликались чайки. Я тряхнула головой, отбросив непонятное наваждение.

Со склона холма дорога сбегала вниз и вливалась в Главные – западные – ворота города. Чем ближе – тем плотней вереница повозок, тележек, пеших И откуда их столько?

Дорога вымотала меня: тело ныло, глаза слипались, а в груди поселилась тупая, привычная тяжесть. За спиной висел тощий мешок с парой рубах да краюхой хлеба – все, что

осталось от дома, которого больше нет. Да на поясе – нож, хороший, крепкий, неплохая защита в умелых руках.

Шесть дней. Шесть дней я шла через ничейные земли – полосу глухих буковых лесов, перемежающихся пустошами, между владениями клана Орлаэд и первыми деревеньками под защитой Ир-Лисса. За эти дни пыль Западного тракта въелась в кожу, скрипела на зубах, и каждый шаг отдавался глухой болью в натруженных ступнях. Ночевала я в руинах старых селений, сожженных еще в междоусобицу. Разбойники в этом захолустье до сих пор чувствовали себя вольготней клановых отрядов, так что я спала урывками, просыпаясь от каждого шороха и сжимая меч под плащом.

За месяцы скитаний к такой жизни можно привыкнуть, но от этого не легче. Пустота позади становилась все больше, а впереди Впереди сейчас ждал Ир-Ласс, в котором, может быть, найдется место для такой, как я.

Глубоко вздохнув, я двинулась дальше и влилась в очередь у Главных ворот.

Народу набралось порядочно: крестьяне с телегами, пара жрецов в темных рясах, торговцы и погонщик с вереницей навьюченных мулов. Я встала в хвост, опустила голову, стараясь казаться пониже, и плотно надвинула капюшон. Главное – не привлекать внимания. Лишние расспросы – больше риск, что ворота передо мной захлопнут.

Цель у меня простая – найти жилье, честную работу и за пару месяцев, если повезет, собрать денег на вступительный

взнос в Гильдию наемников. Там не спрашивают лишнего, если умеешь держать меч. А я умела. Причем лучше многих. Солад это умение вбивал в меня годами, пока другие девочки учились готовить и пряхть. Солад Имя, всплывшее в памяти, резануло болью. От него мне остался только меч. Который я взяла сама, потому что знала: тот, кто заменил мне отца, хотел бы этого.

Сейчас меч остался в тайнике, что я устроила в прибрежных холмах на подходе к городу. Без знака Гильдии никому одиночке не пройти в город с мечом: с оружием в Ир-Лассе может ходить только стража, знать и наемники из Гильдии. К тому же – я стиснула зубы – у безродных девок таких клинков не бывает.

Очередь двигалась медленно, неспешно – солнце уже почти село, тени стали длинными и густыми. Над трактом, несмотря на сумерки, висел неутихавший людской гомон: кто-то переругивался с соседом, где-то позади расплакался ребенок, откуда-то долетел чей-то хохот, потом затих

Мне было тревожно, как всегда в толпе, и я невольно тронула пальцами амулет под рубахой. Простой серый камушек с дырочкой, подвешенный на потертом кожаном шнурке. Мать сделала его много лет назад и отдала перед самой своей смертью. «Чтобы ты выжила», – сказала она. На ощупь он был почти как обычный камень, но внутри под пальцами иногда пробегала странная дрожь – будто камень жил своей, едва уловимой жизнью. Сейчас, перед городом, я чувствова-

ла это особенно остро. Будто он тоже устал. Порой казалось, есть в его действии и другая сторона – меня редко замечали. Просто проходили мимо, не видя, не окликая, будто меня и нет вовсе. Словно я всегда была немного тенью. И к лучшему. Если ко мне приглядывались, сразу видели, что я чужачка. Ведь у людей, живущих в городах и на клановых землях, не бывает такого слишком узкого лица, таких гладких, тяжелых волос, темных и глубоко посаженных глаз.

Сейчас тепло камня успокаивало.

Народ впереди чуть расступился, и я наконец разглядела стражников. Их было четверо – двое проверяли въезжающих, двое стояли чуть поодаль, лениво поигрывая копьями. Один из проверяющих, коренастый, с красным от выпивки лицом, орал на тощего мужика с пыльным мешком за спиной. Бедняга бледнел, съеживаясь с каждым мигом, и все глубже вжимал голову в острые плечи. Стражник толкнул несчастного в грудь, тот неловко махнул руками, и мешок упал на дорогу, рассыпав какую-то мелочь. Мужик бросился собирать, суетясь и сгибая спину, кто-то захохотал.

– Что там? – спросил кто-то из очереди.

– Да стражу усилили, – ответили ему, – а те и лютуют. Опять на Южном тракте набег был, краденое ищут.

У меня внутри похолодело: значит, будут расспрашивать дотошней обычного. А тут я – на местных не похожа: жилистая, с ножом, который явно лучше обычных крестьянских. И ростом большинству мужиков не уступаю.

Бугай с красным лицом отпустил наконец несчастного крестьянина, лениво повернулся и уставился прямо на меня. Цепкий, хоть и мутный взгляд скользнул по моей одежде – старый плащ, рубаха не первой свежести, штаны, залатанные на коленях, – потом мазнул по лицу, рукам и вдруг задержался на поясе, где виднелась рукоять, обвитая крепкой кожей.

– Эй, ты! – гаркнул он. – Подойди.

Сердце пропустило удар, внутри все сжалось в тугой узел. В голове стало пусто и звонко...

Я подошла, стараясь не выдать волнения.

– Откуда идешь? – стражник упер руки в бока и еще раз оглядел меня с ног до головы. Вблизи от него разило перегаром и луком.

– Из земель Гард-Ардена, – ответила я, пытаюсь дышать пореже.

– Гард-Ардена? Далековато, – он скривился. – А не врешь?

– Зачем? – я пожала плечами.

Бугай хмыкнул, переглянулся со вторым стражником, тот неопределенно качнул головой. Краснолицый снова уставился на меня, и в его глазах мелькнул нехороший огонек. Я встречала таких – им не нужна причина для злости, им нужно показать власть и силу. А для этого – унижить кого-то другого.

– Открывай мешок! Проверим, что там.

Я развязала мешок. Стражник ковырнул сменную рубаху,

потряс флягу, убедился, что она пустая, разворошил сверток с краюхой хлеба и разочарованно сплюнул.

– А нож? Доставай – вдруг он длинней, чем у нас в Ир-Лассе положено.

Я медленно вытащила нож – самый обычный, без украшений, но из хорошей стали. Солад учил, что оружие должно быть в первую очередь надежным, что не красота в нем главное. Стражник взял, повертел в руках, взвесил на ладони.

– Откуда такой у бродяжки?

– От отца достался, – сказала я без выражения.

– От отца, вона как, – протянул стражник. – А может, ты кого зарезала и нож прикарманила?

Он шагнул ближе, нависнув надо мной, от него несло потом и злобой. Я буквально кожей ощущала, как ему хочется сорвать на мне злость на этот длинный и жаркий день, на муторную службу, которую начальство сегодня сделало еще труднее. Ведь я одна – без рода, без защиты. Как раз подхожу для битья Так ему казалось.

Я молчала, глядя стражнику прямо в глаза. Не показывай страха. Никогда не показывай страха. На груди под рубашкой разгорался огонь

И вдруг что-то изменилось.

Краснорожий бугай, уже протянувший руку к моему вороту, замер. Моргнул. Посмотрел на свою руку, будто впервые ее видел.

– Чего застыл? – окликнул второй из-за плеча.

Краснолицый оглянулся на него, потом снова на меня. Он потер лоб ладонью и поморщился. Взгляд его, только что злой и цепкий, вдруг стал рассеянным, будто он забыл, зачем подошел. Стражник посмотрел на меня и не увидел. То есть увидел, конечно, – высокую, тощую девку в плаще, но что-то ускользнуло, исчезло.

– Ты – начал он и запнулся. Повел плечом, оглянулся на напарников, снова на меня. – Давай проходи, чего встала?

И пихнул нож мне в руки.

Меня не надо было просить дважды. Я быстро пристроила нож на пояс, затянула мешок и двинулась к воротам. Ноги не слушались, сердце колотилось где-то в горле. Прошла мимо второго стражника, который смотрел на меня с ленивым недоумением, и нырнула вперед, под арку ворот, в город. И заметила утопленный в кладке свода Глаз истины – старинный артефакт, какие ставили в самых богатых городах и замках для проверки прибывающих. Он был тусклым и мертвым, как сейчас почти все, вышедшее из рук магов. Сила, которая снова может дать им жизнь, покинула мир и, наверное, больше никогда не вернется

– Стой! – крикнули сзади.

Я вздрогнула.

Но окликали не меня – толстая тетка не справилась с молодой кобылой, запряженной в телегу, и чуть не влетела в стену со всем скарбом. Краснолицый с азартом, взхлеб костерил и дурных баб, и таких же лошадей. Амулет на груди

остывал, возвращаясь к обычному, едва заметному теплу. Я пошла дальше, стараясь не оглядываться.

Шла, не разбирая дороги, пока не свернула в первый попавшийся переулок и не прислонилась спиной к стене. Руки тряслись. Я перевела дух и тронула амулет. Он опять стал обычным камушком, едва теплым, без того огненного жара, что чуть не прожог кожу, пока я играла в гляделки со стражником. Кажется, он единственный из магических предметов, который все еще действует. По крайней мере, других, тоже сохранивших Силу, я в последние лет пять не встречала. Все были мертвы.

– Спасибо, мама, – прошептала одними губами.

Вокруг кипела жизнь чужого города, а я стояла в тени и пыталась поверить, что наконец добралась. Что справилась. Снова. А меч Меч подождет. Как только заработаю на вступительный взнос в Гильдию наемников, вернусь к холмам и достану его. И тогда уже никто не посмеет назвать меня безродной приبلудой. Тогда я сама выберу, кем быть.

Я поправила мешок за плечами и окунулась в сумерки Ир-Ласса.

Город встретил меня шумом, дразнящими запахами харчевен и вечерней прохладой. Он был разделен на два круга – один в другом, точно косточка в вишневой мякоти. В самом сердце взбирались по холмам широкие мощеные улицы – к ратуше и храму Граней, которые стояли по разным кон-

цам Главной площади. Дома там были богатые, каменные, кварталы чистые и ухоженные. Не то что в Среднем круге. Его отделяла от Внутреннего крепкая и высокая Первая стена – выше, чем внешняя Вторая стена, окружающая Ир-Ласс и сам порт. В Среднем люд жил попроще, дома строили по большей части из дерева, глины или того и другого сразу. И только у Первой стены встречались такие же чистые кварталы, как и в сердце города.

Я решила держаться ближе ко Второй стене, к воротам, через которые вошла в Ир-Ласс, и в самые богатые, чистенькие районы не лезть. Даже в Среднем круге. Там, пожалуй, и стражи больше, и цены выше.

Первая таверна, куда я сунулась, называлась «Три короны». Вывеска с тремя корявыми шипастыми обручами покачивалась над входом, изнутри доносились голоса, звон посуды и вкусный запах жареного мяса. Я толкнула дверь – тяжелую, дубовую, с фигурной железной ручкой, – шагнула внутрь и сразу поняла, что здесь мне не обрадуются.

Слишком чисто. Пол посыпан свежей соломой, на лучших столах даже светлые скатерти есть, а у стойки трое прилично одетых, зажиточного вида мужчин обсуждают какие-то купеческие дела. Хозяйка – крутобокая, румяная – окинула меня взглядом с головы до ног. Будто на таракана у себя на кухне посмотрела.

– Чего надо?

– Ночлег, – сказала я как можно тверже. – Самый деше-

вый.

– Мест нет, – отрезала она и отвернулась к купцам.

– Хотя бы угол в конюшне?

Она даже не ответила. Только махнула рукой – мол, проваливай.

Я вышла, дверь со стуком захлопнулась за спиной. Хорошо. Значит, пойдём туда, где таких, как я, хотя бы не шугают с порога.

Город гудел. Осенняя ярмарка – только о ней в толпе и говорили. Купец ждал караван и жаловался другому, что тот задерживается. Торговцы переругивались, костеря друг друга на чем свет стоит, деля будущие места в торговых рядах. Кумушки судачили, что в порту сегодня разгружали три огромных корабля с товарами из Айриссена, что через пару недель здесь будет настоящее столпотворение, чужаков – не продохнуть. А уж зевак, воров и шлюх точно прибавится, только успевай следить за кошельками да мужьями!

Ха! А я еще удивлялась, что на воротах такая очередь. Суета в городе для меня означала одно: найти жилье будет еще сложнее, чем я думала.

Вторую таверну я присмотрела в переулке, ведущем к порту. Вывеска над ней болталась попроще – облупившаяся рыбина с глупой мордой. «Веселый угорь», да уж. Народу здесь было не в пример больше, чем в «Трех коронах». За грубо сколоченными столами сидели мастеровые, грузчики, пара возчиков и, кажется, даже купец средней руки. И сра-

зу было понятно, за чем они сюда набились – над всем царил запах кислого пива. Хозяин – тощий, лысоватый мужик с бегающими глазками – вытирал кружку грязной тряпкой и разглядывал меня, пока я подходила к стойке. Внимательнее, чем хозяйка первой харчевни, но ничуть не добрее.

– Деньги есть? Оплата вперед. Время такое, сама понимаешь.

– Есть. Если в цене сойдемся.

Он хмыкнул.

– Ты откуда вообще? Что-то морда у тебя не похожа на привычные.

Я улыбнулась одними губами, стараясь казаться поприветливей. Ночевать на улице не хотелось страшно.

– Издалека я. С севера. Подмастерьем в Кадаре была, а теперь тут думаю устроиться.

Мужик наморщил острый нос и как-то резко поскучнел.

– А знаешь что? Нету у меня мест. Все занято. Вон, видишь, – он махнул рукой в сторону зала, – людей сколько? Иди давай отсюда.

– Мне хоть лежанку где-нибудь.

– Сказано ж – нету. Иди дальше ищи.

Он отвернулся, бормоча что-то о клановых и о том, что ему проблем не надо. Я развернулась и вышла, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони.

В какой-то момент я перестала считать отказы. На одном постоялом дворе меня даже на порог не пустили, в другом

– вытолкали взащей и захлопнули дверь перед носом. В таверне «Тихий причал» пьяный хозяин попытался облапать, и я едва не сломала ему руку, прежде чем успела вспомнить, что сейчас не на тракте, а в городе, где за такое по головке точно не погладят. Еще в одном почти притоне – тощая, злая старуха долго рассматривала меня через щелочку в двери, а потом прошамкала:

– У нас для таких, как ты, местов нету. Проваливай, пока я стражу не позвала.

Улицы Ир-Ласса пустели. Кое-какой народ еще сновал туда-сюда в густеющих сумерках – припозднившиеся подмастерья с инструментом, бабы с корзинами, какие-то расфуфыренные типы, явно приезжие. Чувствовалось, что город набит битком, каждый угол занят, каждая лежанка продана. И я здесь чужая – без денег, без роду-племени. И кажется, без ночлега.

Еще один постоялый двор я нашла в западном районе порта. Почти у самой внешней стены. Здесь, в путанице узких улиц и грязных переулков вокруг маленькой площади, ютились дома бедняков и совсем лачуги-развалюхи. Воняло тухлой рыбой и еще чем-то кислым. Таверна называлась просто – «Якорь». Дверь едва держалась на кожаных петлях, внутри чадили дешевые светильники, еле-еле разгоняя предосенние сумерки.

Хозяйка оказалась грузной бабой с толстыми руками и лицом, изъеденным оспой. Она даже не дала мне рта раскрыть.

– Ночевать негде, – рывкнула, едва я переступила порог.

– Нету мест. И не будет. Иди отсюда, не мешай.

– Я заплачу, – сказала я.

– Чем заплатишь? Ты посмотри на себя – оборванка, поди, из клановых беглая. Не нужны мне такие. Вали, сказала.

– Хватит, – прошипела я сквозь зубы.

Меня накрыло злостью – я не беглая. Я не сбежала, а ушла. Свободно. И у меня есть право быть здесь, есть право на ночлег, на работу, на жизнь, в конце концов. Но кто меня будет слушать?

Хозяйка уставилась на меня в упор.

– Ты чего сказала?

Я выдохнула. Медленно.

– Ничего. Уже ухожу.

Выйдя в стремительно остывающий после дневного зноя вечер, я долго стояла, прислонившись спиной к стене, и глядя, как зажигаются редкие огни в окнах. Хозяева некоторых домов выставляли на подоконник свечи, чтобы хоть немного разогнать темноту на городских улицах. Но таких было мало. Усталость навалилась на меня так, что ноги подкашивались. Шесть дней в пустошах, а теперь еще это – ходить по тавернам, выслушивать отказы, терпя презрительные взгляды. Я сползла по наколоченным доскам и села прямо на землю. В груди поселился холод.

Дальше я искать не стала. Какой смысл? Денег у меня не прибавится, другой шкуры – почище и покрасивее – тоже

негде взять. А ночевать где-то надо. Я встала и побрела вниз по улице, туда, где за домами угадывалась то ли речушка, то ли канал. Может, не крыша, так хоть мост над головой будет – все лучше, чем на обочине и чуть ли не в канаве.

Мост там и правда стоял. Старый, каменный, в три широких арки – как раз хватило улице перепрыгнуть через небольшую речку. Внизу слышался тихий плеск, пахло тиной и сыростью. На этом берегу под аркой кто-то уже сидел – на фоне воды проступали два темных силуэта. Отсюда не поймешь – честные бродяги, местные пьянчуги или кто похуже. Так что я решила попытать счастья на другой стороне. Спотыкаясь на выбоинах мостовой, перешла на другой берег и спустилась к реке.

Под мостом кто-то пошевелился.

Я пригляделась – тени, кучи отбросов, пара тощих собак. И человек. Один, сидит у самой воды и раскачивается тихонько – взад-вперед, взад-вперед. Как маятник. Грязные седые лохмы колыхаются, закрывая лицо.

Устраиваться рядом не хотелось, но сил искать другое место уже не было. Я прошла под арку, нашла сухой пяточок у стены, где не дуло, скинула мешок и села, сжавшись в комок под плащом. Рука сама легла на нож.

Спать. Просто спать. Не думать ни о чем.

Холод пробирался под плащ, под рубаху, к самому телу. Лето еще не кончилось, да, но ночи уже стальные. Осень на пороге. Это особенно остро чувствуется, если тебе негде пре-

клонить голову.

– Пу-у-усто – вдруг раздалось из темноты.

Я вздрогнула: голос был тихий, скрипучий, будто нежи-
вой. И, кажется, женский.

– Пусто, – повторила бродяжка, тихонько шлепнув рукой
по воде. – Нету больше, нету... давно нету... но вернется, ох
вернется...

Она раскачивалась и бормотала, ни на что не обращая
внимания, путалась в словах, замолкала и начинала снова.
Я отвернулась, пытаюсь не слушать, но голос проникал в го-
лову, вязкий, как смола. Повезло же ночевать рядом с сума-
сшедшей

Я и прежде видела таких – они бродят, потерянные, и го-
ворят с духами. Кто поразумней, просит милостыню, кто со-
всем обезумел, роется в отбросах и ест, что найдет. Но по-
чти все безобидны: если сумасшедший на людей с кулаками
кидается, он долго не живет

– Чуешь? – вдруг внятно спросила безумица, и я поняла,
что она смотрит прямо на меня. Или не на меня, а сквозь –
в ту темноту, откуда мы пришли и куда уйдем. – Ты чуешь?
В тебе есть... было... остыло... но ветер вернется...

Поежившись, я промолчала. Лучше таким не отвечать, то-
гда скорее уймутся.

– Вернется ветер, развеет золу а кому достанется? Нико-
му все пусто Время идет вспять, время идет вбок, время за-
бывает имена

Голос стелился над сумрачной водой, смешиваясь с плеском мелких волн. Я посмотрела на нищенку и вдруг ощутила, как внутри все холодеет. Не от страха – от чего-то другого. Будто я знала ее когда-то, будто слышала уже эти слова

– Скоро, – шепнула она и спугнула странное чувство. – Скоро все изменится. А ты... ты Семь ветров, семь дорог, семь печалей

Бродяжка замолчала и снова уставилась на воду. Одна из собак подошла и прижалась к ее коленям. Женщина погладила узкую голову.

Я сидела, глядя на черные силуэты домов за рекой, и думала о том, что сказала эта женщина. «В тебе есть». Что во мне есть? Что она увидела, почувствовала?.. Потом хмыкнула: нашла, кого слушать – безумицу! В голове у нее гуляет тот ветер, о котором она бормочет. Надо уснуть. Я закрыла глаза.

Холод пробирал до костей, живот сводило от голода, все тело ныло. В кармане – горсть медяков, на которые даже угол в конюшне не хотят сдать. В мешке – краюха хлеба, которую хорошо бы растянуть на весь завтрашний день. И город переполнен, я тут лишняя. И не только я.

Старуха снова что-то забормотала, потом стала что-то напевать без слов.

А ведь я могу закончить так же. Если не найду работу и не соберу на взнос в Гильдию, если не смогу законно взять в руки меч Закончу здесь. Под мостом. С бездомными соба-

ками, в лохмотьях, буду подбирать объедки и бормотать какую-нибудь чушь.

Я стиснула зубы и зажмурилась.

Нет. Не дождутся.

Я сделаю все, что потребуется. Зубами выгрызу свой шанс выжить и жить свободно, а не продаваться какому-нибудь скоту за гроши. Я хочу обрести наконец достойную жизнь. Простую, надежную. Пойду в порт, буду грузить ящики, таскать тюки, драться за каждый медяк, если надо. Наймусь конюшни чистить, пусть даже за еду. Пойду на любую работу, какую дадут. А если не дадут Ну что ж. Я умею и другое. И в темных переулках тоже не растеряюсь. Только бы не закончить, как сумасшедшая бродяжка.

Мысль о разбое меня не пугала. За время скитаний – и давних, и сейчас, в последние месяцы – мне пришлось делать всякое. Не только убивать, защищаясь, но и красть еду, и уходить от погони. Солад хорошо научил меня выживать. Но он же учил и другому: «Выбирай не ту дорогу, что легче, а ту, на которой останешься человеком». Легкая дорога – это перерезать горло купцу и забрать его кошель. Легкая дорога – это забыть про милосердие и честь и украсть последние монеты у бедной вдовы с выводком детей. И если я пойду по такой дороге, то чем буду отличаться от тех, кого убивала? От разбойников с большой дороги, от убийц, от насильников? У меня оставалось единственное, что я пока не готова терять – чистая совесть. Свет, который откроет мне Послед-

нюю дверь, если этот клятый мир победит меня.

Но где брать деньги? Как жить? Как, поברי Череп, хотя бы на время найти крышу над головой?..

Вода шуршала галькой где-то совсем рядом, ветер задувал под мост, а в голове все крутились слова: «В тебе есть... в тебе» Далеко – кажется, у порта – прокричал ночной сторож, отмеряя второй час после полуночи. Я закрыла глаза и наконец провалилась в беспокойный сон, в котором все равно продолжала слышать навязчивое бормотание сумасшедшей.

Зной Липкий, тяжелый. Деревня плавилась в нем уже две недели. На листьях лопухов у плетней лежала серая пыль, а вода в ближнем озере стала точно мутный, нагретый кисель.

Я сидела на корточках у крыльца в мокрой от пота короткой рубашонке и чертила прутиком по земле. Наш с матерью дом стоял на отшибе – последний в деревне и первый у озера. Там, на берегу, сегодня было шумно.

– Нэра!.. Нэрка! Выходи, колдунькино отродье! – голос резанул по ушам.

Я даже головы не подняла. И без того знала – это Рыжий Брок, старший среди деревенских мальчишек.

– Тебя мамка не учила, что со старшими надо здороваться? – Брок подошел ближе к плетню и пнул его. – Или она теперь только в дому сидеть умеет да в пустые стены смотреть?

Они стояли на дороге – Брок, его вечно хмурая и сопливая сестра Вита, тощий Лок, еще двое мелких. Рыжий упер руки в бока, глядя на меня с той особенной наглостью, которую дает безнаказанность.

– Чего тебе? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Наша мамка сказала, что ваша порода всю деревню подвела, – выдала Вита, кривя губы. – Раньше она урожай защищала, а теперь мы все своими горбами пашем. И никакой управы на засуху. Пустышка она стала, вот!

– Моя мать не пустая, – сказала я, сжимая прутик.

– Врешь, – хмыкнул Лок. – Староста давеча баял: была магичка, а стала... – он скособолил рот и старательно выпучил глаза, как будто вглядываясь в пустоту. – Никому не нужная дура. Молчит, бродит не пойми где, на всех смотрит, как на привиденей. Тоже мне, госпожа!.. Была, да вся вышла! Сама как привидень стала!

Я вскочила. Прутик переломился в кулаке. Выбежала к ним на дорогу, пихнула Лока:

– Заткнись!.. Не болтай, чего не знаешь!

Брок надвинулся на меня, оттесняя от своего подпевалы. Рыжий был на голову выше и шире в плечах.

– А то что? Ты нам всыплешь, колдунька? Пальцем ткнешь? – он толкнул меня в грудь, я пошатнулась, но устояла. – Ты ж никакая, как и мать твоя. Чужачка. Батя говорит, она и живет только потому, что тетка Раяна ее

жалеет. И тебя жалеют. Как убогих.

Я сжала кулаки. В груди горело горячо и зло, но он прав. Мы всегда были здесь чужими. А теперь – после Опустошения – стали еще и лишними.

– Отстаньте, – голос дрогнул, но я не заплакала, только не перед ними.

– Ну что, пустьшика, – хмыкнул Брок, – покажешь, как колдуют те, у кого Сила ушла. Может, твоя мать горшок заставит яйца снести? А то жрать совсем нечего.

И Лок, и Витка с мелкими расхохотались, а Рыжий смотрел на меня, как на забавную зверушку.

Я развернулась и пошла от них прочь – как можно дальше от деревни, куда-нибудь на край мира. Туда, где можно остаться в одиночестве.

Да, я никогда не чувствовала той Силы, о которой мать по вечерам шептала в полубреду. Для меня магия была просто словом – ветром, который стих, безвозвратно унесенным сквозняками теплом. Я не понимала ее. И не понимала, почему мать часами сидит у окна и смотрит в небо. Не понимала, почему плачет по ночам, думая, что я сплю.

– Нэр-пустышка! – донеслось вслед. – Нэрка-дура!

Я зажала уши ладонями и шла, пока летевшие вслед голоса не стихли. Всклипывала и злилась на себя за эти всхлипы. Пыльная дорога ложилась под ноги, солнце жгло спину, а ветер сушил слезы и точно окутывал жаркой полынной горечью, пропитавшей мир. И он – огромный, жаркий, рав-

нодушный – будто отталкивал меня.

Взобравшись на холм, откуда озеро виднелось маленькой светлой заплаткой рядом с россыпью жалких домишек, я села в жесткую траву и обняла колени. Здесь было тихо. Я просто сидела и смотрела, как плывут еле видные, невесомые облака по выгоревшему небу. Они не дадут дождя. Они пусты

Мир молчал. Он тоже был пуст. Сила – дыхание магии, тепло и свет, согревающие душу, могущество жизни, которого маги когда-то могли касаться и творить чудеса – ушла из него три года назад. Исчезла. И никто не знал почему.

Мать говорила, что у меня есть дар. Что я прирожденная магичка, как она, как другие нашего племени.

– Однажды Сила вернется, Иньера Она вернется, и ты обретешь то, что прекрасней рассвета, и могущественней, чем горный зверь, что сходит в ущельях после весенних ливней. Она откликнется тебе.

Но я не верила. Если бы во мне было что-то стоящее, разве деревенские смели бы так со мной? С нами?

Я уткнулась лицом в колени и зажмурилась.

Нет никакой Силы. Только это лето, эта пыль, эта боль... И никому в мире под этим выжженным небом нет до меня дела.

Я одна... И, наверное, так будет всегда.

Серый утренний свет сочился под мост, подсвечивая мут-

ную воду, когда я проснулась. Нищенка исчезла, и собаки вместе с ней. Смутный сон, вернувший меня в детство, помог понять, почему она показалась мне такой знакомой. Ее бессвязная речь напомнила мне мать... Какой она стала перед самой смертью.

Я отогнала неприятные воспоминания и села, растирая затекшие плечи, потом проверила, на месте ли пожитки. Вечера я так устала, что могла и не услышать, как полезли бы к мешку. Но все обошлось, на мою тощую котомку никто не позарился.

– Я справлюсь, – сказала вслух. – Я всегда справлялась. Смогу и тут.

Где-то в этих каменных стенах есть работа. Есть еда. Есть мой шанс.

Я выбралась из-под моста, оступаясь на скользких от утреннего тумана камнях, и попыталась сориентироваться.

Утро выглядело неприветливо: сырость и туман, ползущие с реки, отбросы, сваленные на отмелях и глубокие выбоины на мостовой. Ночью я забрела в самый захолустный район Ир-Ласса – у северо-западного участка Внешней стены, рядом с портом. Оттуда сейчас долетали крики грузчиков и лязг цепей. Над окрестными крышами поднимался дым – в домах и харчевнях начинали готовить завтрак.

Я постояла на мосту, глядя, как внизу плывет какой-то мусор. Есть хотелось зверски. Отломил кусок от вчерашней краюхи, пожевала, запила водой из фляги. Еды считай не

осталось. Денег едва хватит на один обед... Пожалуй, сначала пойду в порт. Все равно рядом, так что стоит проверить, есть ли спрос на рабочие руки. Может, удастся заработать на приличный ужин.

В порту уже кипела жизнь. У низких деревянных причалов рыбаки набивали бочки и тачки ночным уловом, рядом с ними оглушительно гомонили чайки и пахло рыбой, солью и потом. Дальше набережная расширялась, становилась выше, и от нее устремлялись в залив длинные каменные языки причалов для больших и очень больших кораблей. По другую сторону тянулись склады и пакгаузы – одноэтажные, сложенные из крупных блоков серого камня, с узкими окнами под самой крышей. У ворот одного суетились люди – таскали тюки, ящики, бочки. Шум стоял невообразимый. И пахло чем-то чужим и пряным – наверное, выгружали айриссенские товары.

Я постояла, наблюдая. Крепкие, потные мужики, в закатанных по колено штанах, кто в рубахе, кто без – перекликались хриплыми голосами, споро разгружая недавно причалившее судно. Грузчики, наверное, нужны всегда. Надо спросить. Я двинулась вдоль набережной, прикидывая, к кому подойти, и вдруг заметила впереди какое-то шевеление.

У входа в проулок между складами собралась кучка беспризорников – чумазых, оборванных, похожих на воробышную стаю. Они крутились вокруг парня лет двадцати, а тот сидел на корточках перед самым мелким и тощим. Оборвыш

ревел в три ручья и размазывал по лицу сопли пополам с кровью. Видать, кто постарше врезал. Парень – светловолосый, широкоплечий, в добротной, но простой одежде – утирал пацану нос своим платком и совал ему что-то вкусное. Кажется, пирожок. И горячий Пах он одуряюще, и я невольно сглотнула слюну.

– На, поешь, легче станет, – донеслось до меня. – Ну чего ты, не плачь, все пройдет...

Беспризорники крутились рядом, но не просто так. Один из них, шустрый, лет десяти, уже тянул руку ко вполне увесистому кошельку, который болтался у парня на поясе.

Я бесшумно двинулась, быстро подошла со спины, ухватила вора за шкурку и рванула вверх. Он заверещал, засучил ногами, выронив срезанный кошель на булыжник. Остальные брызнули в стороны – только пятки засверкали! – и скрылись в переулках. Раззява-утешитель обернулся и вскочил, так и не отпустив руку мальчишки с разбитым носом. А тот смотрел на меня круглыми глазами, забыв про уже надкусанный пирожок.

– Пусти! Пусти, ведьма! – визжал пойманный пацан, извиваясь в моей руке.

Я встряхнула его разок-другой, чтоб угомонился, подняла упавший кошель и громко сказала, вроде бы ни к кому не обращаясь:

– Потерял.

Светловолосый посмотрел так, будто я с неба свалилась.

В карих глазах мелькнуло удивление, а потом засветилась благодарность. Взгляд был открытый, теплый, и от этого мне стало неуютно.

– Спасибо, – он взял кошель, повертел в руках и вдруг улыбнулся, широко и светло. – Я даже не заметил.

– А стоило бы, – буркнула я, все еще держа пацана. – Что с этим делать?

Парень посмотрел на моего пленника. Воришка затих, только носом шмыгал и смотрел исподлобья.

– Отпусти его, – сказал парень мягко. – Он просто голодный.

– Он вор, – отрезала я. – Голодные крадут еду, а не деньги.

– Они все голодные, – парень кивнул в сторону переулков, где скрылась шайка. – Я их знаю, у причалов кормятся чем придется. Этот вот, – он показал на мальчишку рядом с собой, – сирота. Мать умерла с месяц назад, а больше у него никого и не было.

Я ослабила хватку, воришка вывернулся и, не оглядываясь, рванул вдоль складов.

– Зря ты его решил отпустил, – заметила я. – Завтра опять кого-нибудь обчистит.

– Может быть, – парень пожал плечами. – А может, запомнит, что кто-то его пожалел. Я Линтар. А тебя как звать?

– Скорее, запомнит раззяву, – сделав вид, что не услышала вопроса, я развернулась уходить. – Береги кошель

Парень отпустил руку оборвыша и шагнул следом.

– Подожди. Ты давно здесь, в городе? Не похоже, что местная. Издалека?

Я представила, как выгляжу со стороны после недель дороги да еще и ночевки под мостом – плащ в пыли и грязи, волосы темными сосульками висят вдоль впалых щек Вот уж точно, щучья морда.

– Не твое дело.

– Не мое, – легко согласился он. – Но ты мне помогла, и я хотел бы отблагодарить тебя чем-то. Может, поешь с нами? Тут неподалеку харчевня, там хорошо кормят. Я мальчика подкормлю, а ты перекусишь перед долгим днем.

Я покачала головой:

– Не надо мне ничего. У меня дела.

– Дела с утра в порту? – он улыбнулся снова. – Наверное, работу ищешь? Соглашайся на завтрак, расскажешь – может быть, я помогу.

От его доброты мне становилось как-то не по себе.

– Мне идти надо, – буркнула я и повернулась, чтобы наконец уйти.

– погоди! – он схватил меня за рукав, но тут же отпустил, будто обжегся. – Прости. Я просто... Если ищешь, где остановиться, спроси на постоялом дворе у Южных ворот. Скажи, от Линтара, сына Лорена. Моего отца там знают и тебя не прогонят. Там хозяйка добрая, тетушка Тяна, она...

– Я поняла, – перебила я. – Спасибо.

И ушла. Быстро, почти бегом, только бы не чувствовать

его взгляд на спине.

Свернула в первый попавшийся переулок и только там перевела дух. А потом разозлилась на себя – да с чего это я так дергаюсь? Парень как парень, помог и помог. Что такого? Конечно, он какой-то Слишком добрый, что ли. Слишком светлый. Наверное, я так привыкла к равнодушию и злобе, что доброта стала меня пугать. От нее нестерпимо хотелось сбежать и провалиться сквозь землю

Наконец я взяла себя в руки. Рекомендация – это хорошо, конечно, она лишней не будет. Но сначала попробую сама. Не хочу пользоваться чужой жалостью.

И я отправилась дальше.

День тянулся бесконечно. Я снова заходила в таверны и постоянные дворы – сначала в северном районе порта, потом побрела по улицам, что вели к Внешней стене, и постепенно подходила все ближе к Южным воротам. Спрашивала и про ночлег, и про работу – и везде сыпались отказы. В паре мест мне посочувствовали, но все равно не пустили. А чаще хозяева просто хлопали дверью, даже не слушая.

Между тем жизнь в Ир-Лассе кипела. Чувствовалось, что осенняя ярмарка совсем близко: сновали повозки, торговцы зазывали покупателей, ремесленники стучали молотками, мальчишки-посыльные носились, точно оглашенные. На одной маленькой площади в Среднем городе я наткнулась на шумную стихийную торговлю: ряды наспех сколоченных лотков с тканями, глиняной посудой и дешевыми украшениями.

ями, а над всем этим – крики, смех, ругань, запах жареного лука и свежего хлеба. Тут я покрутилась, поспрашивала, не нужны ли носильщики – разгрузить телегу, донести покупки клиентам из тех, кто с достатком. Но торговцы только фыркали.

Один сжалился и объяснил:

– Ты бы отмылась сначала, работница! То ли нищая, то ли беглая – покупателей распугаешь, а не приведи Великий Исток, стража пойдет, так еще объясняйся с ней из-за тебя.

Пришлось уйти.

Я дважды перекусила. Около полудня набрела на колодезь, присев на бортик, доела хлеб. Потом напилась и умылась. Свежая, холодная вода немного взбодрила. А ближе к вечеру купила себе горячую лепешку у разносчика – потратила последние медяки, но есть хотелось невыносимо. Жевала на ходу, разглядывая вывески. Кузница, кожевенная мастерская, пекарня, скобяная лавка. Я рискнула заглянуть в кожевенную – работа грязная, тяжелая, часто рабочих рук не хватает. Но не повезло: эта мастерская оказалась семейным делом, так что у них даже учеников со стороны не было. И работников в дом не всяких допускали. Я прямо почуяла, как хозяйка, глядя на меня, раздумывала, за кем послать – то ли за стражей, то ли за жрецами, чтоб заново дом благословили. Чем-то я ей очень не понравилась.

Пожалуй, шанс найти хоть какую-то работу есть только на рынке. Там не только носильщики нужны, еще разносчики,

зазывалы, чистильщики рыбы – работа грязная, копеечная, но на еду хватит. А ночь, если что, поголодаю. Только надо найти место, где можно привести себя в порядок хоть немного. И идти с рассветом.

С этими невеселыми мыслями я и побрела дальше.

Несколько раз видела стройки – в Ир-Лассе вовсю что-то перестраивали, латали, чинили, несмотря на подготовку к празднику урожая. А может, как раз из-за него.

В одном месте у Внешней стены собралась целая артель. Здесь разбирали старый деревянный участок укрепления и возводили новый – каменный. Мужики ворочали бревна, таскали камни, в ямах месили известь. Я задержалась, глядя, как тяжелые блоки укладывают в ряд, заливая щели раствором. Работа трудная, но платить должны хорошо.

В Среднем круге заново мостили главную дорогу, что вела к сердцу города – булыжник подвозили на скрипящих тачках, складывали в горки. Я подумала, что могла бы попробовать тут наняться – таскать-то камни умею не хуже мужиков.

Но сначала хорошо бы все-таки найти угол. Без крыши над головой искать хорошую работу бессмысленно – кто возьмет бродяжку, которая ночует под мостом? Тут на рынке бы подработать взяли

К вечеру, когда солнце уже клонилось к закату и колокол на ратуше отзвонил положенное, я стояла перед последним постоянным двором почти у самых Южных ворот. Назывался он какой-то «...приют». Вывеска была старенькая, краска

на ней облупилась, так что первое слово не читалось. Район здесь оказался тише и приличнее, чем тот, где я ночевала, хоть от богатых кварталов Среднего круга так же далеко. Дверь была приоткрыта, изнутри доносился запах щей и чей-то негромкий говор.

Я вошла.

Внутри небогато, но чисто. В общей зале несколько постояльцев поглощали ужин, особо не на что не отвлекаясь. Некоторые вели тихие разговоры. За стойкой раскладывала по тарелкам еду пожилая женщина с добрым, усталым лицом и седыми волосами, убранными под платок. Рядом с ней крутились двое чумазных внуков – мальчик и девочка лет десяти или чуть старше. Она подняла голову и окинула меня быстрым взглядом.

– Чего тебе, дочка? – спросила устало.

– Ночлег ищу, – выдохнула я, готовясь к очередному отказу. – Самый дешевый.

Я замолчала, но потом, пересилив себя, все-таки добавила:

– Меня Линтар знает. Сын торговца Лорена.

– Линтар? – переспросила она и вдруг улыбнулась, светло и тепло, совсем как тот парень утром. – Добрый мальчик, весь в отца.

– Он сказал, тут можно переночевать, – пробормотала я, чувствуя, как горит лицо. – А я помочь вам могу еще

– Хорошо, что сразу сказала. Мест, милая, правда, нету

– время такое, сама понимаешь. Но... – она оглянулась на проем у себя за спиной, ведущий куда-то вглубь дома. – Есть у меня каморка при кухне. Маленькая, правда, и душновато. Но если не побрезгуешь – добро пожаловать. Денег...

Я, наверное, изменилась в лице, потому что хозяйка таверны запнулась и вгляделась в меня пристальнее.

– Денег, – продолжила она через миг, – много не попрошу. Ежели помогать будешь – посуду там помыть, дров наколоть, воды наносить из колодца – и вовсе сочтемся просто так. Руки у тебя крепкие, вижу.

Я стояла и смотрела на нее, не в силах поверить, что можно больше никуда не идти. Хотя бы сегодня. Почему-то вдруг защипало в глазах. Я с силой провела ладонью по лицу, будто смахивая паутину, и хрипло сказала:

– Я согласна. Спасибо.

– Вот и славно, – женщина вытерла руки о фартук и вышла из-за стойки. – Проходи, милая. Тяной меня звать. Все тетушкой Тяной кличут... А это вот, – она кивнула на внуков, – Койра и Дарр.

Мелкие дичились, но любопытство брало свое – из-за стойки то и дело высовывались растрепанные головы, а потом снова скрывались, и оттуда долетали перешептывания.

– Идем, – Тяна легко коснулась моего плеча, – покажу, где можно устроиться. И ужином накормлю. Уж вижу, что ты страсть какая голодная.

Я пошла за ней, впервые за долгое время почувствовав,

как отпускает тяжесть, сидевшая в груди все эти дни, и отступает холод.

– Спасибо, – сказала еще раз. Тихо, почти неслышно.

Тяна обернулась на ходу и улыбнулась опять:

– Не за что, дочка. Дурному человеку Линтар помогать не стал бы. Он сам добрый и других таких, со светом в душе, видит сразу. Хоть порой вроде и не скажешь такого о человеке, пока не узнаешь. А Линтар вот знает откуда-то...

Под мягкий говор тетушки мне вдруг как-то легко поверилось в то, что светловолосый парень с теплом в глазах, наверное, и правда ни разу в жизни никому не желал злого. И от этого стало странно тесно в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.